

Адрес статьи: www.vokrugsveta.ru/vs/article/6299/

Сицилия — "авианосец", бросивший якорь в самом центре Средиземноморья, с которого удобно стартовать в любую точку этой колыбели западной цивилизации. До Испании от Сицилии примерно столько же, сколько до Стамбула, а до Африки хоть и подальше, чем до лежащего в трех километрах итальянского "сапожка", но тоже недалеко. Кроме того, можно "улететь" еще и в глубину истории острова: от Архимеда до Гарибальди, а при желании — проложить маршрут по пространству мировой литературы: от "Одиссеи" Гомера до "Крестного отца" Марио Пьюзо.

Вид на город Корлеоне

В архитектуре Палермо перемешались все стили

Аэропорт "Фальконе и Борселлино" носит имя двух судей, погибших в борьбе с коза ностра. Так с первой минуты пребывания на острове "мафиозная тема" заявляет о себе. Сицилийцы терпеть не могут говорить о ней. Одни по многовековой привычке соблюдают обет молчания — омерту, другие из патриотизма: "Зачем чернить доброе имя острова?" Но многих просто раздражает то, что иностранцы, уверовав в кинолитературные клише, не собираются вникать в суть проблемы, а хотят лишь пощекотать себе нервы разговорами об "ужасах мафии".

Таксист, везущий вас из аэропорта в Палермо, ни за что не скажет, что означает красная стела у автострады. Здесь, около городка Капачи, 23 марта 1992 был убит Джованни Фальконе. Под полотном суперсовременного скоростного шоссе "специалисты" мафии заложили 320 килограммов взрывчатки: вместе с судьей погибли жена и трое телохранителей. Стела мелькнула и осталась позади — сама мысль о смерти кажется неуместной в окружающем вас раю: величественные горы, цветы, апельсиновые рощи, сбегаящие к морю. Как повезло Сицилии с природой! Весна, "примавера сичилиана", лучшее время года на острове, целиком захватывает все мысли и чувства. **Точка отправления. Палермо**

Палермо надвигается, как угроза, въезжать в духоту и серость городских окраин не хочется. Хаос уличного движения потрясает даже привыкших к московскому беспределу. Сразу понимаешь, что сицилийцы живут по своим законам. Не столь важен светофор, как обмен взглядами участников движения: если пешеход понял, что автомобиль поедет, то он остановится, а если пешеход настроен идти, то водителю лучше притормозить. Парадокс, но при таком постоянном "поединке воли" нет ощущения агрессии — во всяком случае, мысль о том, что если что не так, то тебя огреют по голове монтировкой, в эту самую голову не приходит.

Палермо — город, где, несмотря на прямые, как стрела, проспекты, в первую очередь в глаза бросаются экзотические черты. В самом его сердце — огромный рынок, окруженный трущобами. Во время Второй мировой войны центр столицы Сицилии сильно разрушили англо-американские бомбардировки, и в развалинах поселилась беднота, кое-как подлатавшая дома. В последние годы активно ведется реконструкция исторических кварталов, но "экзотики разрухи" еще хватает.

В архитектуре Палермо перемешались все стили, отражая запутанную и богатую историю города. Это единственное в мире место, где отметились все основные цивилизации Средиземноморья — от финикийцев и греков до арабов и норманнов. А визитной карточкой города можно считать христианские церкви, увенчанные красными "мавританскими" куполами, напоминающими мечети. Такова знаменитая Сан Джованни деи Эремити, такова Сан Катальдо. В Западной Европе подобное "исламское дежавю" испытываешь разве что в испанской Андалузии. Удивляться нечему — Сицилия два века была мусульманской. **Флэшбэк 1.**

Предательство

17 июня 827 года эмир Кайруана (современный Тунис), стоя на берегу, наблюдал за высадкой своей армии на землю доселе неприступной для воинов ислама Сицилии. Византийских кораблей он не опасался: на остров арабов пригласил бывший командующий флотом в здешних водах Евфимий. Его мятеж против Константинополя дал кайруанским Аглабидам ключ к твердыне византийцев в Средиземном море. Эмир презирал предателя и клятву о помощи неверному считал уловкой, угодной Аллаху. Через год арабы зарезали неудачливого кандидата на восточноримский трон и шаг за шагом стали продвигаться в глубину Сицилии. В 831 году они взяли Палермо и сделали его столицей острова. Арабы принесли сицилийцам апельсины, алгебру, бумагу и многое другое. Спустя 100 лет пали последние очаги сопротивления христиан. Палермо со 100 000 жителей и 300 мечетями стал четвертым по величине городом Средиземноморья после Константинополя, Каира и Кордовы.

Лучше всего понимаешь важность сарацинской страницы истории Сицилии, сидя за столиком ресторана. Местная кухня очень острая и очень сладкая. Перец и сахар — арабский подарок острову. Так же как и закуски из баклажанов, без которых невозможно представить сицилийское застолье. Особенно советую попробовать капонату — рагу из баклажанов, оливок и каперсов.

Как никакой другой город Палермо дает представление о смешении культур на острове. Недаром его называют сицилийским Нью-Йорком. Вглядываясь в лица горожан, видишь, как причудливо перемешались "аборигены" и волны переселенцев и завоевателей. В старом квартале все названия улиц даны на итальянском, идише и арабском. Совершенно органично Восток в облике города сливается с Западом, опровергая слова Киплинга о том, что им не сойтись никогда. На античной колонне, встроенной в парадный портик готического собора на главной площади, высечена надпись арабской вязью, славящая Аллаха. Даже при многовековом

господстве на острове испанской инквизиции никому не пришло в голову ее сбивать.

Однако сомнений в том, что Сицилия сейчас принадлежит западному католическому миру, нет. В сквериках стоят памятники Франциску Ассизскому, сильно смахивающему на актера Шона Коннери в роли монаха Вильгельма из фильма "Имя Розы". Как когда-то типовой бронзовый Ленин в СССР, такой Франциск-Коннери имеется в любом сицилийском городке. Да и в целом, несмотря на отдельные сарацинско-византийские черты, архитектурный облик Палермо определяет все же продиктованный в XVII веке папским Римом барочный стиль.

Особенно хороши эти причудливые, щедро украшенные скульптурой дворцы и церкви ночью. Искусно подсвеченные на фоне сине-черного южного неба, они отражаются в отполированных пешеходами плитах палермских мостовых из вулканической лавы. В таких эффектных декорациях органично смотрится бурная ночная жизнь Палермо. У статуи Богоматери на площади перед церковью Сан Доменико "снимают" клиентов проститутки, а на рынке Вуччериа дерутся сдерживавшиеся весь рабочий день конкуренты-торговцы. Крики женщин, разодранные рубахи, кровь: сицилийская страсть бьет ключом.

Современные сицилийцы ничуть не менее интересны, чем творения их давних предков. Любуешься палермским собором — и вдруг сзади раздается стук "деревянных" шагов по мостовой. Какой-то толстяк ведет по улице метровую куклу-марионетку рыцаря, собирая вокруг толпу детей. Так мы познакомились с потомственным кукольником в пятом поколении Винченцо Ардженто.

Сицилийский театр марионеток — потрясающий пример взаимовлияния "ученой" и народной культур. В XVI веке великий итальянский поэт Ариосто высоким слогом рассказал историю рыцаря Орlando, "подслушанную" им у народных певцов-сказителей. Три века спустя наследники этих бардов, бродячие сицилийские кукольники, переложили "Неистового Роланда" Ариосто на язык народного театра марионеток. Роланд-Орlando вернулся из аристократических гостиных на площадь и стал главной звездой Opera dei Pupi — "Кукольной оперы", своеобразной "мыльной оперы" дотелевизионной эры.

"Мой прадед рассказывал историю Орlando за 394 представления — и зрители не уставали. Отец сократил ее в десять раз, а я втиснул всего в полтора часа", — сетует Винченцо, не выпуская из рук марионетку, которая словно сама собой танцует у его ног. Сегодня Opera dei Pupi проиграла битву современным телесериалам и выживает только за счет интереса к ней детей и туристов. Но пока творят такие люди, как Винченцо, феерический мир этого театра не умрет. "Я даже не помню, когда я начал делать куклы — кажется, я их делал всегда. Мои дети тоже выросли в театре: это наша жизнь".

Открывается занавес, и маленький, человек на 50, театрик каким-то волшебным образом раздвигается до размеров безграничной вселенной сказки. Сияют доспехи рыцарей-паладинов, без страха и упрека вступающих в битву с сарацинами, драконами и самим чертом. Звенят мечи, падают отрубленные головы, прекрасная принцесса бросается на шею герою-победителю Орlando, королевский шут сыплет остротами. В финале Винченцо своими невероятно сильными руками кукольника подхватывает мальчика из первого ряда и ставит его на сцену рядом с Орlando. В глазах у ребенка светятся такие восторг и гордость, что я понимаю, как рождается знаменитая сицилийская верность традициям. **Великая Греция**

Традиции эти уходят в глубокую древность. Стоит отъехать от Палермо на 80 километров в

Сегесту, как попадаешь уже даже не в Средневековье с рыцарями и сарацинами, а в Античность. Храм в Сегесте начали строить в 426 году до н. э. афинские архитекторы, так что он почти ровесник знаменитому Парфенону. **Флэшбэк 2. Обман**

Когда храм уже возвели под крышу, граждане Сегесты обратились к могущественным Афинам за помощью не только в строительстве, но и в борьбе с соседним Селинунтом. Оба эти сицилийских города были основаны колонистами, прибывшими из-за моря. Сегеста — элимами из Малой Азии, считавшимися потомками троянцев, а Селинунт и его "старший" город Сиракузы — греками из Коринфа, союзника ненавистной афинянам Спарты. Элимы и коринфские греки-переселенцы соперничали за власть на острове, причем в их борьбу вмешивался и Карфаген, расположенный неподалеку, в Африке. Чтобы не запутаться в этом политическом лабиринте, афиняне отправили на Сицилию посланников — разобраться на месте. Их встретили с небывалым почетом и роскошью. Особенно поразило греков то, что в каждом доме, куда они приходили, хозяева ели на серебре. Уверившись в богатстве и могуществе будущего союзника, афинский ареопаг проголосовал за военную экспедицию в поддержку Сегесты. Афиняне не знали, что хитрые сегестинцы переносили одни и те же серебряные тарелки из дома в дом на пути следования послов. Афины ввязались в сицилийскую авантюру, обещанной поддержки не получили, потерпели страшное поражение под Сиракузами и никогда уже не смогли занять ведущее положение в греческом мире. Сегесту разорили враги, а ее новый храм так и не был завершен.

Парадокс истории, но этот недостроенный и даже неназванный храм сохранился лучше прославленных эллинских святилищ материковой Греции, Малой Азии, Италии, да и самой Сицилии. Его никогда не грабили и не жгли враги, его пощадили землетрясения. Не изменился за тысячелетия и окружающий пейзаж. Храм возвышается на пологом холме, с трех сторон окруженном скалистым оврагом. Он словно актер, вышедший на сцену, кулисами которой служат горы, стеной поднимающиеся километрах в трех позади него. Приближаясь к нему, идешь среди агав и цветов, и каждый шаг дает новую "мизансцену". Этот калейдоскоп видов еще прокручивается в голове, когда оказываешься внутри леса колонн, а над головой распаивается неправдоподобно синее небо. Сегеста стоит несколько в стороне от туристской тропы, и хотя народу и здесь хватает, у вас есть шанс очутиться под этим античным небом в полном одиночестве.

Зато ни о каком одиночестве даже не мечтайте в Селинунте и Агригенте. Эти два самых разрекламированных древних памятника на Сицилии расположены на противоположной от Палермо южной оконечности острова. Толпы людей бредут на жаре от храма к храму, а в Селинунте еще и едут на мини-автомобильчиках, которые можно взять напрокат. Храмы были разрушены войнами и землетрясениями, на тысячелетия оказались позабыты-позаброшены, и только в последние два века реставраторы постепенно поднимали упавшие колонны и водрузили на них фронтоны. Если когда-то Гёте писал о "благородной тишине запустения" этих руин, то сейчас от нее не осталось и следа.

Чтобы не оглохнуть от криков школьников, советую в Агригенте выйти из машины внизу, на дороге, и обзреть силуэты трех главных святилищ города на расстоянии. В Селинунте же лучше всего не метаться вместе со всеми между руинами, названными по буквам алфавита, а присесть на нагретые солнцем камни у храма "Е". Отсюда открывается панорама на весь Селинунтский археологический парк: море, небо, древние колонны и стены, разбросанные среди волнующихся под ветром пшеничных нив с вкраплениями красных маков. Этот вид помогает понять, почему Магна Греция, Великая Греция — как в древности называли греческие колонии на Сицилии и юге Италии — считалась у эллинов сказочным краем вечной идиллии.

Й оазис

На следующий день после "античной вылазки" нас ждала в Палермо встреча с графиней Франкой Таска д'Альмерита. Это имя знакомо на острове каждому. Семья Таска д'Альмерита владеет виноградниками, где делается с десяток известнейших марок вина: от дешевого белого до дорогого "Графского красного". Оказавшись у ворот огромного парка с виллой, мы поразились тому, как подобный оазис может существовать в центре столичного мегаполиса. Однако когда эти ворота нам открыла сама хозяйка, мы поразились еще больше. Миниатюрная, очень подвижная и энергичная графиня встретила нас без чинов, по-домашнему. Никакой косметики, никаких украшений, белые брюки и блузка, легкий "студенческий" тон разговора. И только в голове мелькнула мысль о чем-то неуловимо французском в облике и стиле собеседницы, как графиня обмолвилась, что корни семьи уходят в историю владычества на острове Бурбонов. **Флэшбэк 3. Неблагодарность**

Король Неаполя Фердинанд IV высадился со своим двором на Сицилии — последнем из оставшихся ему владений — в декабре 1805 года. Этот Бурбон, в котором французская кровь перемешалась с испанской, бежал на остров от Наполеона, захватившего Италию. Его жена Мария-Каролина была родной сестрой казненной в Париже королевы Марии-Антуанетты, и семейство неаполитано-сицилийских Бурбонов не желало повторить участь французских родственников. Десять лет, проведенных одним из самых блестящих европейских дворов на считавшемся тогда захолустьем острове, придали Палермо аристократический лоск. В городе были построены новые виллы и дворцы и отремонтированы старые. Когда после краха Наполеона Фердинанд вернулся в Неаполь, то в знак признательности переименовал свое государство в Королевство обеих Сицилий. По иронии судьбы, спасительница Сицилия оказалась через два поколения могильщицей неаполитанских Бурбонов. В 1860 году на острове с 1000 своих сторонников высадился Гарибальди, восторженно встреченный населением. Революционеры, одетые в красные рубашки, символизировавшие готовность победить или умереть, изгнали солдат короля. Вскоре Королевство обеих Сицилий — один из главных противников объединения страны пало. На карте Европы появилось новое государство — Италия.

Семейство Таска д'Альмерита не ушло в небытие вместе с Бурбонами. Графы оказались рачительными хозяевами и сумели организовать образцовое винодельческое производство. "Предприимчивость у нас в крови, все Таска должны учиться, а потом работать. Братья и отец занимаются вином, а я сейчас не даю пустовать нашим виллам и дворцам. Даже этот дом, где несколько раз в году собираются все 99 членов семейства, иногда сдается для проведения больших вечеринок". Из заставляющего вспомнить арабские сказки сада с пальмами и прудами, где плавают лебеди, мы перешли в здание виллы. Под ногами изразцовый пол изумительной красоты, на стенах картины XVI века и фрески начала XIX. Отвечая на вопрос, как семейству удалось выжить в политических бурях прошлого века, графиня посерьезнела. "Сразу после войны началась земельная реформа и излишки земли подлежали конфискации. Мой дед заявил, что первого чужака, который ступит на наши поля, он застрелит. Семья была в ужасе, но никто не смел перечить. Тогда к деду пришел священник и сказал: "Убив человека, ты погубишь свою душу, однако это твой выбор. Но убив его из корысти, ты погубишь честь семьи, включая тех ее членов, кто еще не родился. Разве ты Бог, чтобы решать судьбу неродившихся младенцев?" И старик отложил свое ружье".

Слуга в белых перчатках принес поднос с "Красным графским", и мы выпили за здравый смысл дедушки Таска д'Альмерита. Уже прощаясь у ворот, графиня показала на уродливые многоэтажки, примыкающие к усадьбе. "Еще в 1960-е это тоже была наша земля, и девочкой я ездила там верхом. Ее у нас отнял один из боссов мафии: дедушка к тому времени уже умер, а мы слишком цивилизованны, чтобы стрелять из ружья. Но ничего, потом этого негодяя все же упекли в тюрьму за убийства, а мы отметили это событие грандиозной вечеринкой". В поисках мафии

Неожиданная реплика Таска д'Альмерита вновь напомнила нам о сицилийской мафии. Мы решили направиться к олицетворяющему ее во всем мире городку Корлеоне, чтобы наконец понять, в чем секрет ее власти над островитянами. Да и жива ли еще мафия вообще? Слишком многие жители уверяли нас в том, что Сицилия совершенно избавилась от этой скверны, и все в прошлом. **Флэшбэк 4. Вне закона**

Прошлое мафии так же таинственно, как и настоящее. То ли она возникла в X веке как отряды самообороны против пиратов, то ли как партизанское движение против испанцев в XVI. Само слово толкуется по-разному. Некоторые считают, что это сицилийский клич мстителя за поруганную честь дочери перед тем как убить обидчика: Ma fia ("Дочь моя"). Другие ведут его происхождение от арабского слова mahias ("дерзкий"), которым захватчики-мусульмане называли повстанцев-христиан. Третьи убеждены, что это аббревиатура лозунга восставших против французов в XIII веке: Morte Alla Francia! Italia Anela! — M. A.F. I. A. ("Смерть Франции! Вздохни, Италия!"). Четвертые полагают, что так на тайном языке разбойников называлось горное убежище. В любом случае "мафия" значит нечто, выходящее за рамки закона. Продуманной системой она стала в XVIII веке. Ее опорой были "габелотто" — управляющие в поместьях аристократов, прообразы будущих мафиозных донов. С одной стороны, они помогали сеньору выжимать из крестьян арендную плату и не давали им воровать господский лес и воду, а с другой — ограничивали аппетиты помещиков. Баланс мафиози поддерживали "внеправовыми" методами, то есть попросту убивая "нарушителей конвенции". Важнейшим элементом системы была омерта — круговая порука, не позволявшая ни при каких обстоятельствах нарушать обет молчания и говорить о мафии властям. Постепенно сложилась преступная организация, которую сами ее члены называли коза ностра ("наше дело"). Аграрная мафия в конце XIX века перенесла свои порядки в город — там возник рэкет ("пиццо"). С эмиграцией сицилийская мафия проникла в США, где пышным цветом расцвела во время сухого закона. На родине, наоборот, коза ностра пришлось в 1920—1930-е годы туго. Муссолини заявил, что не потерпит государства в государстве, и бросил против "нашего дела" своих фанатичных фашистов. Тысячи "деловых" погибли, оказались за решеткой или бежали к коллегам-родственникам в США. Новый "золотой век" коза ностра наступил после высадки на Сицилии союзников в 1943 году. По слухам, ФБР договорилось с американскими донами, что те помогут овладеть островом. Как бы то ни было, но именно мафиози в ореоле славы борцов с режимом, выйдя из фашистских тюрем, стали первыми выборными мэрами в 1945 году. И именно они год спустя добились автономного статуса Сицилии в Итальянской республике, которым остров пользуется до сих пор.

Исторически мафия зародилась на западе острова в треугольнике между Палермо, Агригентом и Трапани. В самой его середине и находится город Корлеоне, в переводе — "сердце льва". Дорога туда идет не по автостраде, а петляет среди гор. Кстати, дороги на Сицилии хороши. Их прокладку контролировала тоже коза ностра. Правда, утверждают, что были украдены миллиарды, но когда по ним едешь, все равно хочется сказать мафии спасибо.

Названия городков заставляют вспомнить голливудское кино про мафию: кроме Корлеоне из

"Крестного отца" мы миновали Прицци, и в памяти тут же всплыл фильм "Честь семьи Прицци" с Джеком Николсоном в роли киллера-мафиози (правда, делали картину в Америке). Режиссеру Фрэнсису Форду Копполе власти Корлеоне тоже не дали снимать город, и он искал натуру в другом месте.

Увидев застроенную современными домами легендарную родину дона Корлеоне, мы засомневались: чего режиссеру "Крестного отца" было биться за съемки в этом неинтересном месте? Мнение наше изменилось при взгляде на Корлеоне сверху, со скалы, увенчанной крестом. Настоящее горное убежище разбойников.

До смотровой площадки нас любезно подвез синьор Чиччо. Забыв о своих делах, он с жаром убеждал журналистов из России в том, что Марио Пьюзо и Фрэнсис Коппола оклеветали город и нанесли ущерб его жителям. Однако очень советовал купить крепкую настойку на травах под названием "Дон Корлеоне", к производству которой, похоже, имел отношение. Настойку мы приобрели в баре на главной площади, открытом чуть ли не круглые сутки, чего не скажешь о Центре борьбы с мафией. Там не было ни души, только полки с копиями дел о преступлениях коза ностра за последние полвека стояли в коридоре.

Покидая Корлеоне, я думал: если прав синьор Чиччо и в городке, где все друг друга знают, просто нет места мафиози, почему именно здесь несколько десятилетий скрывался босс боссов коза ностра Бернардо Провенцано по кличке Бульдозер? Его удалось арестовать только в 2006 году. Он руководил своей преступной империей из неприметного домика на окраине Корлеоне, отправляя "записочки-малявы", через верных людей. Телефонам и Интернету Бульдозер не доверял. И если мафия мертва, с кем же борется в своем Центре по борьбе с мафией его основатель — бывший мэр города, при котором крестный отец Провенцано так хорошо себя чувствовал в Корлеоне десятилетиями?

Попытку узнать правду о мафии у "инсайдеров" мы сделали еще в одном городе "мафиозного треугольника" — Менфи. Там живут Алик и Нина Длуги, о которых нам рассказали друзья. Компьютерщик и врач-онколог из России еще в 1970-е эмигрировали в Нью-Йорк, где преуспели. Но несколько лет назад, отдыхая в Палермо, случайно познакомились в ресторане с человеком, похожим на актера Роберта Митчума. Нина, которая еще и неплохой художник, набросала карандашный портрет Джузеппе Кальканьо, и тот пригласил чету к себе в Менфи. Дальше произошла полная перемена судьбы. Джузеппе, которого друзья зовут Пиппо, уговорил приглянувшихся ему нью-йоркских жителей переехать на Сицилию. Он ввел их в местное общество, помог построить дом на берегу моря и даже убедил власти провести к новостройке дорогу.

В том, что Пиппо в Менфи может убедить кого угодно и в чем угодно, мы уверились сами. Например, уговорить крестьян, выращивающих виноград, из которого делают знаменитое сицилийское вино "Планета", сдавать урожай только на принадлежащий ему с компаньонами винный завод. Или убедить владельцев престижного здания у городской площади продать его Пиппо под винотеку с красноречивым названием "Винный пресс". Сидя с ним за столиком, мы перезнакомились со всем городом.

"Я родился в Менфи — вот меня все и знают, — гордо сказал хозяин. — Тут родились и мой прадед, и мой дед, и мой отец, и мой крестный отец..."

Журналистов из Москвы, приехавших к Пиппо, зашли поприветствовать и мэра нынешний, и мэра бывший. Первый оказался огромным детиной с золотой цепью на шее, а второй —

интеллектуалом-архитектором. Раскланялся с нами и капитан карабинеров в красивом мундире. То и дело подходили "оказать уважение" какие-то люди. Возникло полное ощущение, что центр городской жизни находится именно в "Винном прессе". Улучив минутку, когда мы остались наедине, я задал Пиппо вопрос о мафии.

— Выдумки, — ответил он и вкусно затянулся сигарой, — может, в Палермо и есть, а у нас нет.
— Неужели и "пиццо" никто больше рэкетирам не выплачивает?
— Нет!
— Ну хорошо, а взятки чиновникам, санэпидемстанции...
— Я не плачу: я деловой человек и не привык разбрасываться деньгами, — широко улыбнулся владелец "Винного пресса".

Больше глупых вопросов я деловому человеку не задавал.

Поиски следов мафии мы продолжили по совету Пиппо в Палермо. "Если уж о коза ностра нам откровенно не расскажет сестра погибшего прокурора Фальконе, Мария Фальконе, то больше обращаться не к кому", — думал я, пока мы шли к ней на встречу. Шли мимо памятника жертвам мафии, установленного рядом со штаб-квартирой карабинеров. В соседнем здании расположился Институт по изучению поведения глухонемых. "Интересно, там пытаются раскрыть природу омерты?"

После смерти брата Мария Фальконе создала Фонд его памяти. Судья Джованни Фальконе вошел в историю тем, что ударил по самому больному месту мафии — денежным потокам, прежде всего по отмыванию денег, полученных от наркоторговли. Сам выходец из Корлеоне, он сумел убедить многих свидетелей-земляков нарушить омерту. Фальконе усадил на скамью подсудимых с полтысячи мафиози, но и он, и его преемник и друг Борселлино были убиты в 1992-м, когда стали копать под связанных с мафией римских министров.

"Но даже смерть моего брата послужила его делу. Похороны Джованни стали переломным моментом в психологической борьбе с коза ностра. Люди, которые раньше считали, что мафия при всей своей одиозности все же поддерживает порядок там, где бессильно государство, стали считать ее злом, — голос Марии Фальконе гремел, как у настоящего трибуна, привыкшего обращаться к тысячам людей. — Ведь мафия — это не только особая форма внегосударственной исполнительной власти или власти экономической. Самое опасное в ней то, что ей свойственен особый менталитет. Мафия навязала сицилийцам искаженное представление о семье, дружбе, уважении к старшим".

Мария Фальконе сконцентрировала свои усилия на развенчании мафиозной романтики среди молодежи. Она выступает в университетах и школах, собирает сторонников во всем мире. Ее фонд издает книги о коза ностра, прежде всего самого Джованни Фальконе, одну из которых (на русском языке) она подарила и нам. На вопрос, насколько сильна мафия сегодня, Фальконе ответила, что на Сицилии она все еще жива, хотя и потеряла ту власть, которой обладала еще в 1990-е годы. "Самая опасная преступная организация сейчас не здесь, а в Калабрии — "Ндрангета" (искаженное греческое *andreia kai agathiau* — "мужественность и доблесть"). Как только ослабеваешь одна группировка, ее место тут же занимает другая. Так что расслабляться нельзя никому. В том числе и вам, русским. Еще Джованни предупреждал, что на мировую сцену вышли преступники и из России. Но все же со всеми другими легче бороться, чем с коза ностра: они не растлевают душу народа".

В том, что мафия жива, а омерта не пустой звук, мы убедились в тот же день. Наконец, с

третьего захода удалось попасть в ораторию Сан Лоренцо при церкви Сан Франческо д'Ассизи, где в 1969 году коза ностра, мстя за провал одной из своих операций с краденым искусством, похитила картину Караваджо. Еще при прежних попытках зайти в ораторию мы заметили, что на площади, куда выходит церковь, постоянно дежурят карабинеры с автоматами.

— Неужели стоят с 1969 года, чтобы не украли остальное? — спросил я священника.
— Нет, — грустно ответил падре, — охраняют соседнюю кондитерскую, владелец которой нарушил омерту.

В кондитерской "Антика Фокаччериа" — ни души, хотя в соседнем кафе яблоку негде упасть. Испуганные продавцы вжали головы в плечи, стоило мне полезть в сумку за фотоаппаратом. Подошел карабинер и сурово попросил здесь не снимать. На мои вопросы ни он, ни продавцы не ответили ни слова.

Столкновение с "мафиозной прозой жизни" стало последним впечатлением от Палермо перед нашей поездкой на противоположный конец острова. Хорошо, что перед тем как вырुлить на автостраду, ведущую на восток, мы заскочили в городок Монреаль, ставший сейчас практически пригородом столицы. Тамшний собор вернул праздничное настроение, которым в основном радуется Сицилия. Оказалось, что с византийским искусством острову повезло ничуть не меньше, чем с античными храмами: монреальские мозаики — это лучшее, что осталось на земле от искусства художников, создававших свои творения из кусочков разноцветного стекла — смальты. Такой сохранности, такого единства ансамбля и такой изумительной зрелости мастерства не встретишь ни в Константинополе, ни в Венеции, ни в Киеве. Всем этим мы обязаны норманнскому королю Сицилии Вильгельму II, пригласившему сюда мастеров из Царьграда. **Флэшбэк 5. Дерзость**

Это блистательное рыцарское приключение началось в 1045 году, когда дружина всего в три десятка воинов отплыла от берегов Северной Франции искать счастья на юге Италии. Однако вел ее неукротимый гигант Робер Гвискар, один стоивший целой армии. Этому потомку викингов стало тесно в захваченной его предками Нормандии, и он решил завоевать славу и земли в Средиземноморье. Гвискар обладал не только легендарными силой и отвагой, но и мудростью великого человека. Громя войска папы римского, византийского и германского императоров, этот шестой сын захудалого барона превратился вскоре в герцога Апулии, Калабрии и Сицилии. Именно возвращение под власть креста Сицилии, отбитой им у арабов, сделало Робера Гвискара, некогда преданного анафеме "за разбой" и римским папой, и константинопольским патриархом, героем всего христианского мира. В 1130 году племянник великого воина Рожер II получил от папы уже королевский титул. При его внуке Вильгельме II Королевство Сицилия включало не только юг Италии и остров, но и современный Тунис. Норманны правили, проявляя веротерпимость и взяв все лучшее от западных католиков, православных византийцев и арабов-мусульман.

Собор в Монреале и мыслился королем Вильгельмом как символ этого синтеза культур. Именно потому в католическом храме мы видим византийские мозаики и стрельчатые арабские арки. Но даже этого норманну показалось мало. Подчеркнув свои амбиции на возрождение Римской империи, король украсил собор еще и великолепными античными колоннами.

Через полтора часа, когда о море остались одни воспоминания, мы добрались до самого высокогорного "райцентра" острова. Энну называют "балконом Сицилии", и, стоя там, наверху башни норманнской крепости, понимаешь почему. Цепи голубых гор, отливающих изумрудом

весенней зелени, тают на горизонте в синеве неба. На величественной скале напротив Энны виднеется последний оплот арабов — город-крепость Калашибетта.

Арабо-норманнское противостояние остается позади, а наше погружение в историю продолжается. Проскочив живописный издалека, а вблизи грязноватый городок Пьяцца-Армерина, оказываемся на древнеримской вилле Романо дель Казале. Обстоятельства ее находки заставляют вспомнить фильмы об Индиане Джонсе. Еще в XVIII веке при распашке уютной долины в пяти километрах от Пьяцца-Армерины крестьяне обнаружили золотые монеты. Нумизматы определили, что они относятся к III веку, и несколько поколений археологов пытались понять, как они оказались в таком захолустье.

Удача улыбнулась инженеру Луиджи Паппалардо. В 1881 году он наткнулся на часть великолепной напольной мозаики. Стало ясно, что под землей скрывается дом римских времен. Но затем на полвека работы в Пьяцца-Армерине прервались. Только в 1930-е годы Муссолини, стремясь всюду отыскать следы римского величия, организовал настоящие раскопки. Было вскрыто 3500 квадратных метров потрясающих по своей красоте и сохранности мозаик III—V веков.

Стоит ли удивляться, что Сицилии опять повезло и ничего подобного в мире нет?

Мозаики украшали полы грандиозной по своим размерам и богатству римской виллы. После нашествия готов и вандалов она была заброшена, а потом вообще погребена под горным оползнем.

Ученые провозгласили владельцем виллы сопровителя Диоклетиана императора Максимиана, и она получила пышное наименование Императорской. Но последние находки указывают на то, что, скорее всего, хозяином был крупнейший "продюсер" древнеримского "шоубизнеса" Валерий Популоний. Он устраивал гладиаторские бои и звериные травли по заказу императора Константина. Не случайно сцены в цирке, а также ловли зверей встречаются чаще всего. Но хватает и других сюжетов — недаром вилла Казале считается самым богатым "справочником" по древнеримскому быту. Муссолини, например, был вне себя от радости, когда обнаружилось, что одежду легионеров украшали знаки свастики. А вот на римских дам в бикини тогда никто не обратил внимания. Только после того как подобный купальник был заново изобретен французскими модельерами в 1940-е годы, "танцовщицы в бикини из Казале" стали популярны. Журнал "Тайм" даже украсил их изображением свою обложку.

Уже в 1960-е годы над мозаиками возвели стеклянную крышу и перекинули металлические мостки, по которым может гулять публика. Две сцены заинтересовали нас особо: "Битва богов с гигантами" и "Одиссей и Полифем". И не потому что у циклопа Полифема не один глаз, а почему-то два нормальных и еще один во лбу. Заинтересовали — потому что напомнили о вулкане Этна, куда мы собирались на следующий день. Греки верили, что Афина придавила этой горой самого сильного из гигантов — Энкелада. Когда он пытается вылезти наружу, начинается извержение. А согласно Гомеру и Вергилию, именно на склонах Этны находились пещеры циклопов, в одной из которых Одиссей ослепил Полифема.

И вот мы у самого большого вулкана Европы. Чем дальше от последнего жилья в местечке Николози, тем сильнее ощущение, что ты попал в пространство древнего мифа. Пышная зелень остается внизу, и редкие поначалу языки остывшей лавы вскоре уже видны повсюду. Такой была Земля, когда родился наш мир, такой, возможно, она будет, когда он умрет. На высоте 1900 метров садимся в подъемник, и из кабинки открывается вид на кратеры прежних извержений.

Этна каждый раз изливает свою лаву из нового отверстия в земной тверди.

На отметке 2550 метров пересаживаемся в автобусы-внедорожники и по черной пустыне из вулканической пыли, где местами лежит снег, катим вверх почти до 3000. Дальше нас пешком ведет гид Луиджи. Первое, что он говорит: если начнется извержение, то убежать успеем — у нас будет минимум 20 минут. За горой все время следят специалисты, а главное — новую попытку титана Энкелада выбраться наружу выдаст цвет дыма. Обычно сероватый, он сначала становится молочно-белым, затем красным и, наконец, синим. Потом начинается извержение. При нас все было тихо. Этна мирно курилась сероватым дымком, мы цепочкой шли по склону и любовались сногшибательными видами лежащей внизу Катании. Было даже видно материковую Италию за зеленой гладью Мессинского пролива. Внешне разочарованные, но втайне обрадованные спокойствием вулкана, мы спустились вниз, а рванула Этна на следующий день — 10 мая. Луиджи не обманул — жертв не было. Извержения мы не видели, поскольку были уже в Сиракузах, но слышали — взрыв прогремел мощный. **Кинопутешествие**

Во время извержения мы сидели в греческом театре под открытым небом в Сиракузах и смотрели трагедию Эсхила "Агамемнон". Несмотря на то что и театру, и трагедии два с половиной тысячелетия, древностью на сцене и не пахло. Музыканты играли на аккордеонах, актеры ходили с микрофонами и безо всяких масок и котурнов, а хористы вообще демонстративно курили, пуская дым колечками. Весь этот модернизм понятен: труппа и режиссер самовыражаются, им хочется показать, что театр в Сиракузах — дело живое, а не туристический аттракцион. Но Эсхил, который, кстати, умер не в родных Афинах, а во время "гастролей" на Сицилии, вряд ли бы был в восторге. Это все равно как если бы в Большом театре князь Игорь пел под балалайки, а половцы отбивали чечетку. Доконали нас кепки, которые поголовно носили все мужчины на сцене. Я не удержался и спросил соседей, что это значит. "Коппола — символ мафии". При чем здесь режиссер "Крестного отца" Фрэнсис Коппола, мы с первого раза не поняли. "Копполой по-сицилийски называется традиционная крестьянская кепка, которая стала символом сельских мафиози. Трагедия Эсхила прочитывается сквозь призму проблемы мафии", — пояснили нам.

Осознав всю глубину и многогранность связей италоамериканца Коппола с темой мафии, мы покинули гостеприимную, но уж слишком "зализанную" и забитую туристами родину Архимеда — Сиракузы. Последним из наших мини-путешествий на Сицилии стало кинопутешествие в мир "Крестного отца".

Все основные сицилийские сцены из фильма, за исключением концовки "Крестного отца — 3", разворачивающейся в палермском Театре Массимо, Коппола снимал на востоке острова, в районе города-курорта Таормины. В самой Таормине можно сделать только рекламный туристский ролик про бесконечные гостиницы и орды отдыхающих.

Образ родины дона Корлеоне режиссер создавал в горных деревушках, лежащих в глубине от побережья. Например, в эпизоде, где телохранитель говорит Майклу (Аль Пачино): "Микеле, вот Корлеоне", — и нам показывают живописные домишки и церковь, прилепившиеся на вершине горы, — снялась деревня Мотта-Камастра. Кстати, у всех участников этой сцены на головах кепки-копполы.

Но большинство из тех эпизодов, где дело якобы происходит в Корлеоне, были разыграны в деревне Савока. Это до сих пор, несмотря на появление уродливых современных домов, настоящее сицилийское горное гнездо. Припарковав машину у легендарного бара Вителли, где

Майкл просил у отца своей ненаглядной Апполонии ее руки и сердца, испытываешь странное чувство. Вроде как надо бы снисходительно улыбнуться, услышав льющуюся из динамиков мелодию из "Крестного отца" и увидев англичанок, фотографирующихся у входа. Но вот ты садишься точно там, где сидел Аль Пачино, старуха Мария, которая хозяйничает тут полвека, приносит тебе кофе — и восторг личной причастности к кинолегенде начинает проникать в душу. То же чувство охватывает и в местной церкви Санта Лючия, где венчались Майкл и Апполония. Советую побывать и в церкви Богородицы в соседней деревне Форца-д'Агро: это с ее ступеней убийцы-мафиози кричат жителям, чтобы они выдали маленького Вито.

Но самое легендарное место съемок "Крестного отца" на Сицилии — это вилла Каstellо деи Скьяви на окраине городка Фьюмифреддо, километрах в пятидесяти от Таормины. Это райское место, окруженное апельсиновыми садами, принадлежит Франко Платанья. Начался наш визит туда не очень удачно: из-за глухого забора раздался ожесточенный лай собак. Но едва хозяин узнал, что мы русские журналисты, перед нами распахнулись все двери. Приговаривая: "Все для матушки России", он повел нас по своим владениям, которые "играют" во всех трех "Крестных отцах" роль усадьбы сицилийского друга семьи Корлеоне дона Томмазино. Здесь скрывался после бегства из Нью-Йорка Майкл (Аль Пачино), здесь раздавал подарки родственникам молодой дон Корлеоне (Роберт де Ниро), здесь совещался со стариком доном Томмазино Винсент (Энди Гарсиа).

Мы стоим у старинных ворот, где взорвался автомобиль с Апполонией: "Вот так же, как вам, я показывал свою виллу в первый раз Копполе, и он сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться", — смеется Франко. Предложение это озолотило хозяина: провести пару дней в Каstellо деи Скьяви стало модным у богатых любителей кино. С некоторых пор еще и крупные корпорации облюбовали это место для переговоров а-ля мафия. Уже внутри дома, с его неповторимой атмосферой настоящего сицилийского кланового гнезда, мы узнали причину любви хозяина к русским. За неделю до нашего приезда газпромовские начальники пригласили сюда "посекретничать" людей из "Рургаза". Апофеозом нашего визита стал момент, когда Франко поставил стул на то место во дворе, где умирает Майкл, и я картинно упал с него, разыгрывая финальную сцену из "Крестного отца".

Улетали мы с Сицилии из Катаньи, и все пассажиры прилипли к иллюминаторам, провожая глазами гигантский треугольник острова с громадой Этны. Недаром греки называли его Триникрия — "треугольник" — и изображали в виде головы с тремя ногами. С каждой из сторон Сицилию омывает свое море: Ионическое, Тирренское и Средиземное. Погода была идеальной, и видимость, как говорят летчики, — "миллион на миллион". Иначе при расставании с этим островом и быть не могло.